

**К.В. Сивков, Н.П. Сидоров, П.Е.
Мелгунова-Степханова**

**Русский быт по
воспоминаниям
современников. XVIII век**

Часть 2. Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К.В. Сивков
К11 Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век: Часть 2. Выпуск 1 / К.В. Сивков, Н.П. Сидоров, П.Е. Мелгунова-Степханова – М.: Книга по Требованию, 2017. – 316 с.

ISBN 978-5-518-00900-4

Интерес к истории русского быта (в самом широком смысле слова) не угасает. Составители настоящей книги сделали попытку представить историю нашего быта по мемуарам, запискам, воспоминаниям наших и иностранных современников путем выборки из них отрывков, относящихся к данной теме. Пересмотрев большое количество мемуарного материала, они взяли лишь то, что представляет какой-либо интерес и цену.

ISBN 978-5-518-00900-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Царствованіе Петра III и его низверженіе.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА III.

Императрица Елисавета Петровна скончалась въ самое Рождество 25 декабря 1761 года, въ три часа за полудни. Я осталась при тѣлѣ ея. Петръ III, вышелъ изъ покоя, пошелъ въ Конференцію и прислалъ мнѣ сказать чрезъ Мельгунова, чтобъ я осталась при тѣлѣ, дондеже пришетъ мнѣ сказать. Я Мельгунову сказала: „Вы видите, что я здѣсь и приказаніе исполню.“ Я изъ сего приказанія заключила, что владычествующая факція опасается моей инфлуенціи. Тѣло Императрицы Елисаветы Петровны едва успѣли убрать и положить на кровать съ балдахинномъ, какъ гофъ-маршалъ ко мнѣ пришелъ съ повѣсткою, что будетъ въ галлерей (то-есть, комнаты черезъ три отъ усопшаго тѣла) ужинъ, для котораго повѣщено быть въ свѣтломъ, богатомъ платьѣ. Я послала богатое платье въ комнаты сына моего, живущаго возлѣ покойной Государыни. Я одѣлась и паки въ такомъ нарядѣ пришла къ усопшему тѣлу, гдѣ мнѣ велѣно было оставаться и ждать приказанія. Тутъ уже окошки были открыты, и Евангеліе читали.

Погодя нѣскольکو, пришли отъ государя мнѣ сказать, чтобъ я шла въ церковь. Пришедъ туда, я нашла, что тутъ всѣ собраны для присяги, послѣ которой отпѣли вмѣсто панихиды благодарственный молебенъ; потомъ митрополитъ Новгородскій Сѣменовъ говорилъ рѣчь Государю. Сей былъ внѣ себя отъ радости, и оной ни мало не скрывалъ, и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески, и не произнося окомѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующи-

щихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшнаго Арлекина, нежели иного чево, требуя однако всякое почтеніе. Изъ церкви вышедши, я пошла въ свой покой, гдѣ до самаго ужина я горько плакала толико о покойной Государынѣ, которая всякія милости ко мнѣ оказывала и послѣдніе два года меня полюбила отчѣнно, какъ и о настоящемъ положеніи вещей. Когда кушанье поставлено было, мнѣ пришли сказать, и я пошла къ ужину. Столъ поставленъ былъ въ куртажной галлерей персонъ на полтораста и болѣе, и галлерей набита была зрителями: многіе, не нашедъ мѣста за ужиномъ, ходили такъ же около стола, въ томъ числѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Мельгуновъ. Сей изъ прислужниковъ Шуваловыхъ сдѣлался ихъ протекторомъ. У Ивана же Ивановича Шувалова хотя знаки отчаянности были на щекѣ, ибо видно было, какъ пяти пальцами кожа содрана была, но тутъ, за стуломъ Петра III шутилъ и смѣялся съ нимъ. Я сидѣла возлѣ новаго Императора, а возлѣ меня князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который во весь столъ ни о чемъ не говорилъ, какъ о великой своей радости, что Государь царствуетъ. Множество дамъ такъ же ужинали; многія изъ нихъ, такъ какъ и я, были съ расплаканными глазами, а многія изъ нихъ въ тотъ же день, не бывъ въ дружбѣ между собою, помирились. Ужинъ сей продолжался часа съ полтора. Пришедъ въ свои комнаты, я начала раздѣваться, чтобъ лечь въ постелю, когда принесли повѣстку, чтобъ дамамъ на завтра быть въ робахъ богатыхъ, и будетъ большой обѣденный столъ въ той же галлерей; сидѣтъ же по билетамъ.

Потомъ я легла въ постель; но я, хотя предъ тѣмъ двѣ noci не спала, проводя оныхъ въ покоѣ покойной Императрицы, но сонъ далеко отъ меня былъ и никакъ заснуть не могла, и начала размышлять о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. И сдѣлала я слѣдующее заключеніе: Ежели въ первомъ часу царствованія оставили честнаго человѣка, и не постыдились на его мѣсто возвести бездѣльника, чего ждать? *) Говорила я себѣ: твою инфлуенцію опасаются; удались отъ

*) Вѣроятно, разумѣются тутъ сама Екатерина и Елисавета Романовна Воронцова.

всево; ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь, по твоимъ мыслямъ и правиламъ дѣла не поведутъ, слѣдовательно ни чести, ни славы—тутъ не будетъ; пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ. Взявъ сіе за правило своего поведения, во всѣ шесть мѣсяцевъ царствованія Петра III я ни во что не вступалась, окомъ похоронъ покойной Государыни, по которымъ траурной комиссіи велѣно было мнѣ докладываться, что я и исполнила со всякимъ радѣніемъ, въ чемъ я и заслужила похвалу отъ всѣхъ. Я тутъ же брала совѣты отъ старыхъ дамъ, графини Марьи Андр. Румянцевой, графини Анны Карловны Воронцовой, отъ фельдмаршалши Аграфены Леонтьевны Апраксиной и иныхъ, подручно случающихся, въ чемъ и на нихъ угодила чрезвычайно.

На другой день поутру нарядилась въ богатой робѣ я пошла къ обѣднѣ, потомъ на поклонъ къ тѣлу, а оттуда къ столу по билетамъ. Сей столъ былъ съ расплаканными глазами почти у всѣхъ, и мало было лицъ равнодушныхъ, и усталъ на всѣхъ видно было. Послѣ обѣда я пошла къ себѣ. Во время сего стола тѣло покойной Государыни анатомили. Къ вечеру мнѣ пришли сказать, что посланы курьеры для освобожденія и возвращенія въ Петербургъ Бирона, Миниха, Лестока и Лопухиныхъ, и что Гудовичъ ѣдетъ въ Берлинъ съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ Императора. Я на сіе сказала: „Дѣла поспѣшно идуть“.

На третій день я, надѣвъ черное платье, пошла къ тѣлу, гдѣ отправлялась панихида; тутъ ни Императора и никою не было, кромѣ у тѣла дневальныхъ, да и тѣ, кои со мною пришли. Оттудова я пошла къ сыну моему, а потомъ посетила я графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ его покоѣ во дворцѣ, гдѣ онъ отъ чистосердечной горести по покойной Государынѣ находилъ боленъ. Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моимъ, но я, не допустя его до того, обняла его и, обнявшись, оба мы завыли голосомъ и не могли почти говорить слова оба. Я, вышедъ отъ него, пошла къ себѣ.

Пришедъ въ свой покой, услышала, что Императоръ приказалъ приготовить для себя покой отъ меня чрезъ сѣни, гдѣ жилъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, и что въ его покоѣ, возлѣ моихъ будетъ жить Елисавета Романовна Воронцова.

Въ сей день къ вечеру Императоръ поѣхалъ куда-то на вечеринку править Святки...

Въ 25 день Генваря 1762 года повезли тѣло Государыни, въ гробъ лежащей, со всевозможнымъ великолѣпіемъ и подобающими почестями, изъ дворца черезъ рѣку въ Петропавловскій соборъ, въ крѣпость. Самъ Императоръ, за нимъ я, за мною Скавронскія, за ними Нарышкины, потомъ всѣ по рангамъ шли пѣши за гробомъ отъ самаго дворца до церкви.

Императоръ въ сей день былъ чрезвычайно веселъ и посреди церемоніи сей траурной здѣлалъ себѣ забаву: нарочно отстанеть отъ везущаго тѣла одра, пустя онаго впередъ сажень тридцать, потомъ изъ всей силы добѣжить. Старшіе камергеры, носящіе шлеефъ епанчи его черной, паче же оберъ-камергеръ графъ Шереметьевъ, носящій конецъ епанчи, не могли бѣжать за нимъ, принуждены были епанчу пустить, и какъ вѣтромъ ее раздувало, то сіе Петру III пуще забавно стало, и онъ повторялъ нѣсколько разъ сію шутку, отчево сдѣялось, что я и всѣ, за мной идущіе, отстали отъ гроба, и, наконецъ, принуждены были послать остановить всю церемонію, дондеже отставшіе дошли. О непристойномъ поведеніи семъ произошли многіе разговоры не въ пользу особѣ Императора, и толки пошли о безрасудныхъ его во многихъ случаяхъ поступкахъ.

По погребеніи тѣла покойной Государыни, начали во дворцѣ убирать ея покои для Императора.

Им. Екатерина II.

ПЕРЕМѢНЫ ПРИ ПЕТРѢ III.

Не успѣлъ я съ ними поздороваться и молвить слова два, три объ одѣвающемся еще генералѣ, какъ сдѣлавшійся на улицѣ подъ окнами шумъ привлекаетъ насъ всѣхъ къ окнамъ, и какая же сцена представилась тогда глазамъ моимъ! Шель тутъ строемъ деташаментъ гвардіи, разряженный, распудренный, и одѣтый въ новые тогдашніе мундиры и маршировалъ церемонію.

Какъ зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ еще новое, и я не узнавалъ совсѣмъ гвардіи, то смотрѣлъ на шествіе сіе съ особливимъ любопытствомъ и любовался всѣмъ видѣн-

ныгъ; но ничто меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ, низенькій и толстенькій старичокъ съ своимъ эспантономъ и въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздою на груди и голубою лентою подъ кафтаномъ и едва примѣтною....—Это что за челоуѣкъ?—спросилъ я у стоявшаго подлѣ меня князя Урусова...—надобно быть какому-нибудь генералу?...—„Какъ! отвѣчалъ мнѣ князь: развѣ вы не узнали! это князь Никита Юрьевичъ!“—Князь Никита Юрьевичъ,—удивясь, подхватилъ я—какой это? Неужели Трубецкой?

— „Точно такъ!“—отвѣчалъ мнѣ князь.—Что вы говорите!..—воскликнулъ я, еще болѣе удивившись.—Господи помилуй! да какъ же это? Князь Никита Юрьевичъ былъ у насъ до сего генералъ-прокуроромъ и первѣйшимъ челоуѣкомъ въ государствѣ! да развѣ онъ нынѣ уже не тѣмъ?—„Никакъ,—отвѣчалъ князь:—онъ и нынѣ не только тѣмъ же и такимъ же генералъ-прокуроромъ, какъ былъ, но сверхъ того недавно пожалованъ еще отъ государя фельд-маршаломъ“.

— Но умилосердитесь, государь мой!—продолжалъ я далѣе, часъ отъ часу все болѣе удивляясь, спрашивать:—Какъ же это? я считалъ его дряхлымъ и такъ болѣзною своихъ ногъ отягощеннымъ старикомъ, что, какъ говорили тогда, онъ затѣмъ и во дворецъ и въ Сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было почти никому доступа?

— „О!“—отвѣчалъ мнѣ князь усмѣхаясь—„это было во время оно; а нынѣ, рече Господь, времена перемѣнились, нынѣ у насъ и больные, и небольшие, и старички самые поднимаютъ ножки, и на ряду съ молодыми маршируютъ, и также хорошехонько топчуть и мѣсятъ, грязь какъ и солдаты. Вотъ видѣли вы сами. Нынѣ говорятъ, что когда носить на себѣ званіе подполковника гвардіи, такъ нести и службу, и отправляя и должность подполковничью во всемъ!“

— Ну! печего болѣе говорить!...—сказалъ я, изумившись, и не могъ тому надивиться...

— „Но вы еще и не то увидите!—сказалъ князь—поживите-ка съ нами и посмотрите на все и все у насъ, въ Петербургѣ!“...

Скажу далѣе, что кромѣ упомянутыхъ уже впереди мною назиданенитѣйшихъ и первѣйшихъ его дѣлъ, какъ-то: дарованіе вольности дворянству, уничтоженіе тайной канцеляріи и прочихъ, состояли они въ слѣдующихъ:

Онъ перемѣнилъ совсѣмъ прежнее состояніе тайнаго своего кабинета, и составилъ его только изъ двухъ особъ, объявивъ притомъ, что впредь будетъ онъ самъ предсѣдательствовать въ ономъ.

Онъ сдѣлалъ во всей арміи и во всемъ военномъ штатѣ великую перемѣну, и старался все учредить на ногѣ прусской. Перемѣнена была совсѣмъ прежняя экзерциція на манеръ прусской; мундиры пошиты по прусскому покрою; прежнія и наиприличившія древнія званія полковъ по городамъ уничтожены и, какъ я уже упоминалъ, велѣно было имъ называться уже по фамиліямъ ихъ шефовъ, которымъ велѣно было и мундиры каждаго полку отличить отъ другихъ, чѣмъ они пожелають сами. Званіе генераль-аншефовъ уничтожено и велѣно имъ называться просто генералами, а бригадирская степень уничтожена совсѣмъ, и полковники, по прусскому манеру, производились уже прямо въ генераль-майоры. Прежде бывшее наказаніе солдата и всѣхъ военныхъ батожемъ, кошками и кнутомъ отмѣнено, и велѣно наказывать палками и фухтелемъ, и для экзерцированія войска велѣно было собраться къ Петербургу пятнадцати тысячамъ войска и стать лагеремъ. А для лучшаго во всѣхъ военныхъ распоряженіяхъ успѣха, составлена особая военная комиссія, въ которой членами сдѣланы принцъ Жоржъ *), князь Трубецкой, Вильбое, Глѣбовъ, Мельгуновъ и генераль-адъютантъ баронъ Унгернъ, а предсѣдательствовалъ въ оной самъ государь своею особою.

Далѣе, прежняя лейбъ-компанія была распушена, поелику содержаніе оной ежегодно до двухъ милліоновъ рублей государству стоило; напротивъ того, прежній его голштинскій конный полкъ получилъ всѣ преимущества конной гвардіи, и принцу Жоржу поручена была надъ нимъ команда. Въ савой Голштиніи велѣлъ онъ учредить 7 пѣхотныхъ и 6 кон-

*) Георгъ, принцъ Голштинскій, русскій ген.-фельдмаршалъ, дядя Петра III и Екатерины II (Сост.).

ныхъ полковъ, съ особымъ баталіономъ артиллеріи. Начальство же надъ кадетскимъ корпусомъ, при которомъ онъ самъ до того былъ и шефомъ и директоромъ, по сдѣланномъ напередъ нарочно для того особомъ и великомъ торжествѣ, обѣдѣ и экзерцированіи, поручилъ онъ генералъ-поручику и прежде бывшему императрицы Елисаветы фавориту, Ивану Ивановичу Шувалову.

Равномѣрное попеченіе началъ - было имѣть сей государь и о поправленіи и приведеніи въ лучшее состояніе нашего флота, и хотѣлъ, чтобъ аглинскіе морскіе офицеры принимали у насъ во флотъ службу, и чтобъ корабли впредь строены были не въ Петербургѣ, а въ Кронштадтѣ. И въ маѣ имѣлъ онъ удовольствіе спустить при себѣ два вновь построенныхъ военныхъ семидесяти-пушечныхъ корабля. Мнѣ самому случилось быть при семъ спускѣ оныхъ и видѣть всю употребляемую при томъ пышную церемонію. Стеченіе народа было притомъ безчисленное, и государь присутствовалъ при томъ самъ, съ императрицею и со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ и всѣми иностранными министрами, и назвалъ одинъ изъ нихъ „Королемъ Фридрихомъ“, а другой „Принцемъ Жоржемъ“. Не могу изобразить, какъ напряжено было тогда у всѣхъ любопытство, когда въ нѣсколько сотъ топоровъ начали вдругъ подрубать подпоры, и какъ пріятна была для всѣхъ та минута, когда корабль по склизамъ полетѣлъ вдругъ съ берега въ рѣку Неву, и разсѣкалъ впервые хребетъ оной своими громадами. Громъ отъ пушечной пальбы, кричаніе „ура“, радостныя восклицанія народа, и звукъ трубъ, литавръ и прочей музыки, раздавался тогда по всѣмъ окрестностямъ и придавалъ зрѣлищу сему еще болѣе пышности и величія. Относительно до дѣлъ внутренняго правленія государственнаго, то сенату предоставленъ былъ только департаментъ гражданскихъ дѣлъ, и не велѣно было ему болѣе ни во что мѣшаться. А для попеченія о славѣ государства и благоденствія подданныхъ, сдѣлана конференція и членами оной принцъ Жоржъ, принцъ Голштейнъ-Бекскій, графъ Минихъ, князь Трубецкой, канцлеръ Воронцовъ, Вильбое, князь Волконскій, Мельгуновъ и Волковъ. А чтобъ неотягощенъ былъ государь просьбами, то запрещено было подавать государю лично челобитныя, а

велѣно просить обо всемъ въ учрежденныхъ къ тому мѣстахъ.

Въ самой полиціи сдѣланы нѣкоторыя перемѣны: уничтожены вездѣ полицеймейстеры, и оставлены только въ обѣихъ столицахъ, и московскому велѣно быть подсудимымъ нашему генералу, яко главному полицеймейстру.

Изданъ былъ также указъ, относящійся до поспѣшествованія коммерціи и торговлѣ, и силою онаго дозволенъ былъ выпускъ за море хлѣба, солонины и живого скота, и многія другія полезныя для торговли установленія.

Далѣе были, по приказанію его, освобождены изъ неволи кромѣ Миниха и многіе другіе, бывшіе въ ссылкѣ, и наглавнѣйшій Биронъ, герцогъ курляндскій съ обоими сыновьями своими. Баронъ Менгденъ съ фамилією, баронъ Стрешневъ и графъ Лештокъ съ женою, и всѣмъ возвращены прежніе ихъ чины, имѣнія и достоинства...

А. Болотоеъ.

УКАЗЪ ПЕТРА III О ВОЛЬНОСТИ ДВОРЯНСТВА.

Вскорѣ послѣ того обрадовано оно (дворянство) было несравненно еще болѣе полученіемъ къ намъ того славнаго манифеста и вольности дворянства, которою благоугодно было новому государю облагодѣтельствовать все россійское дворянство и пріобрѣсть себѣ тѣмъ вѣчную благодарность. Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благославляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей. Но было чему и радоваться. До того времени, все россійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ: оно обязано было все неминуемо служить, и дѣти ихъ, вступая въ военную службу въ самой еще юности своей, принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь и до самой старости, или, по крайней мѣрѣ, до того, покуда сдѣлаются калѣками или за дѣйствительными болязнями болѣе служить будутъ не въ состояніи; и во всю свою жизнь лишаться домовъ своихъ, жить отъ родныхъ своихъ въ удаленіи и разлукѣ и видаться съ ними только

при дѣлаемыхъ кой-когда имъ годовыхъ отпускахъ. Въ снѣхъ и въ командировкахъ изъ полковъ въ Москву для пріема аммуниціи, была вся ихъ и единственная отрада, а отставки были такъ трудны и наводили столько хлопотъ и убытковъ онымъ ищущимъ и добывающимся, что многимъ и помыслить о томъ было не можно. А посему посудите, каково было намъ всѣмъ служить, и особливо чувствовавшимъ себя нерожденными къ военной жизни! Всѣ мы предавались обыкновенному отчаянію и всякій всего меньше помышлялъ о томъ, чтобъ жить нѣкогда можно было дома, и какова-жъ пріятна и радостна должна была быть для насъ та минута, въ которую узнали мы, что сняты были съ насъ помянутыя узы и намъ дарована была совершенная вольность и отдано въ нашъ полный произволъ, хотимъ ли мы вступить въ службу, или нѣтъ, а и служить только до того, куда похочется; а въ случаѣ нехотѣнія служить болѣе, могли уже тотчасъ получать абшиды и отпускаемы быть въ свои дома и жилища!

Словомъ, всеобщая радость о томъ была неописанная; а какое дѣйствіе въ моей душѣ произвела сія драгоценная бумажка, того не могу же я никакъ выразить. Я самъ себя почти не вспомнилъ отъ неописаннаго удовольствія и не вѣрилъ почти глазамъ своимъ при читаніи оной. Я, полюбивъ науки и прилѣпившись къ учености, возненавидѣлъ уже давно шумную и безпокойную военную жизнь и ничего уже такъ въ сердцѣ своемъ не желалъ, какъ удалиться въ деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить остальные дни свои посреди книгъ своихъ и въ сообществѣ съ музами: но до сего не могъ льститься и малѣйшею надеждою къ тому. И такъ, судите сами, коль много долженъ былъ я обрадоваться тогда, какъ узналъ, что къ тому не только сдѣлалась возможность, но что могъ я службу свою оставить, когда миѣ захочется...

Не оставлялъ я ходить въ военную коллегію для распроедыванія, что происходитъ ежедневно. Она была тогда на прежнемъ своемъ мѣстѣ, въ Большой Связи на Васильевскомъ островѣ и господинъ Яковлевъ такъ турилъ моимъ дѣломъ, что на четвертый день послѣ того, а именно 24 мая, назначенъ былъ для насъ всѣхъ, просившихся тогда въ от-

ставку, смотръ, и мы должны были поодиначкѣ входить въ присутственную комнату и показывать себя господамъ членамъ. Смотръ сей для нѣкоторыхъ изъ означенныхъ къ оному былъ неблагопріятнымъ. Они выходили изъ судейской съ огорченными и печальными лицами и сказывали, что имъ было для разныхъ причинъ отказано. Я трепеталъ тогда духомъ, боясь, чтобы не послѣдовало того же и со мною, и минута, въ которую предсталъ я предъ господъ рѣшителей моего жребія, была для меня самая тяжкая: я стоялъ ни живъ, ни мертвъ, когда они меня осматривали съ головы до ногъ, и бывший первымъ членомъ, генераль-поручикъ Карауловъ, сталъ говорить другимъ, что мнѣ въ отставку бы еще и рано, и я слишкомъ еще молодъ.

Вся кровь во мнѣ взволновалась при услышаніи сего слова, а сердце затрепетало такъ, что хотѣло выскочить изъ груди моей; но, по счастью, г. Яковлевъ не долго далъ мнѣ страдать въ семъ мучительномъ состояніи. Онъ, обратясь къ г. Караулову, сказалъ: „Онъ вѣдь просится на свое пропитаніе, такъ для чего-жъ не отпустить намъ его?“ И не дожидавшись его отвѣта, а обратясь ко мнѣ, спѣшилъ громко произнести то важное и толико ободрившее и обрадовавшее меня слово: „Съ Богомъ! съ Богомъ! когда на свое пропитаніе!“ а какъ то же повторилъ уже и господинъ Карауловъ, то я сдѣлавъ имъ пренизкій поклонъ, вышелъ изъ судейской, самъ себя почти не вспомнивъ отъ радости и удовольствія. Ибо минута сія была рѣшительная, и я могъ уже считать себя съ самой оной отставленнымъ и отъ всей службы освобожденнымъ и вольнымъ человѣкомъ.

Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ шелъ я тогда на свою квартиру и какъ обрадовалъ извѣстіемъ о томъ людей своихъ. И поелику я тогда почиталъ отставку свою достовѣрною и надѣялся вскорѣ получить и свой абшидь, то начали мы съ самага того дня собираться къ отъѣзду изъ Петербурга въ деревню и запастись всѣмъ нужнымъ къ такому дальнему путешествію. Я тотчасъ поручилъ прискивать мнѣ скорѣе купить лошадей, ибо прежнія были распроданы, и люди мои такъ тѣмъ спроворили, что достали мнѣ на третій же день послѣ того купить прекрасную и добрую пару сѣрыхъ лошадей, а какъ третья у меня уже